

**БОРИС
УКАЧИН**

**НА
МОЕЙ
ВЗГЛЯД...**

ББК 84Р7

Ук 41

Редактор В. Казаков

Художественное оформление В. Кошкарлова

Макет художника-вклейки В. Еврасова

Укачин Б. У.

Ук 41 На мой взгляд: Публицистика, очерки, стихи, воспоминания, литературные миниатюры. (Вступительное слово — автора). Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1996.— 416 с.

Самобытному, известному алтайскому писателю Борису Укачину всегда есть что сказать читателям. В новой и первой подобного рода своей книге алтайский поэт, прозаик и публицист отстаивает свое понимание как чисто творческих проблем, так и проблем национальных, делится своим восприятием творчества других известных писателей, размышляет об истоках национальной культуры, в том числе и алтайской.

У 4702010202—05

М 138(03) 96

ISBN 5-7405-0209-8

ББК84Р7

ХРАНИТЕЛИ СЕМЕЙНОГО ОЧАГА

Медленно отчалив от берега тихого голубого озера, чуть покачиваясь, уходит белый теплоход. На берегу остаются четверо: старый кедр, два старых человека и старый пес. Двое медленно машут руками, глядя вслед теплоходу. И старый кедр, которому суждено целый век стоять на этом тихом берегу, тоже молча машет с каменистых круч своими мохнатыми и вечнозелеными ветками, печалится и скрипит.

Уходит, удаляется белый теплоход, увозит в далекий, шумный и большой город Любу — дочь тех старых людей и милых внучек — Юлю и Жанну, которые все долгое лето жили тут, на безлюдном и очень уютном полуострове, радуя деда и добрую бабушку. И я уезжаю на этом же сказочно-белом теплоходе.

Над головой высокое рыжее солнце осени, а кругом тихие всплески бесконечно голубого озера. Смотрю на тот берег, где остались два старых человека, пес по кличке Дик и могучий кедр. Я тоже машу им рукой вместе с Любой и девочками Юлей и Жанной. Мы прощаемся... На память приходят стихи любимого Назыма Хикмета. Глядя на отдаляющийся берег, на взмах рук, шепчу печальные строчки великого поэта: «Стоим над водой — солнце, кошка, чинара, я и наша судьба. Вода прохладная, чинара высокая, я стихи сочиняю, кошка дремлет, солнце греет. Слава богу, живем! Блеск воды бьет нам в лица — солнцу, кошке, чинаре, мне и нашей судьбе...»

В дали, на мысу, остаются Николай Павлович и Дора Захаровна Смирновы, старый кедр и Дик. У бортов журчат светлые всплески, а над головой — большой диск осеннего солнца. Теплоход уходит и дети уезжают, а берег остается. Этот берег и эти люди надолго остаются тут, до следующего лета, до будущей встречи. Для них это всегда так: весна и лето, когда растают голубые снега гор и ущелий, когда раскроются голубые льды Телецкого озера — время прилета птиц, время долго-

жданых и радостных встреч. Только за последние годы, с появлением многочисленных туристов в этом, казалось бы, отдаленном краю, птиц всё же меньше стало. А осень — отлет тех, вечно приверженных алтайским горам, количественно редееющих птиц, расставание с детьми и многочисленными гостями... А потом долгая и глухая зима. Одиночество старых людей, любимого пса, старого кедра, в вечном карауле стоящего все на том же высоком берегу.

Иногда кажется, что человеческий мозг, каждая его клетка с годами медленно и тихо крошатся, как тонкие и твердые пластины камней и прибрежных вечных скал. Жизнь иной раз кажется долгой и вечной. Все помнить и удерживать в памяти трудно.

И вот опять наступила новая осень, пятьдесят первая осень Николая Павловича Смирнова на берегу Телецкого озера и среди этих величавых гор. Еще совсем молодым человеком в 1927 году прибыл он сюда, в Прителецкую тайгу. А точнее, на дикий берег бурливой, как снежный барс, никому не известной речки Чири. Тогда, понятно, никто не величал его Николаем Павловичем, был он просто приезжим русским парнем, просто Колей-Николаем. В то время на этом месте одиноко и печально, как в сказке, дымилась конусообразная юрта многодетного алтайца Чулмуса Казандыкова, недавно крещенного и после этого ставшего Захаром Матвеевичем Жарковым.

Смирнов в те годы был костистым, высоким и очень худым. Руки длинные, почти до колен. Голубовато-серые, очень умные глаза. Их взгляд, конечно, не мог пройти мимо младшей дочери Захара Жаркова — Доры, юркой и любопытной, со смущенно искрящимися, диковатыми глазами.

Русскому парню, прибывшему из глубин России, было тут все ново, непривычно и интересно: и люди, обитающие тут, их обычаи и нравы, и окружающая природа — горы и озера, охота на зверей, и отношения охотников между собой. Он прибыл зимой, и тут же, через два-три дня с местными охотниками ушел в горы. Завоевать доверие людей Прителецкой тайги и, как говорится, прижиться рядом с ними, скажем прямо, не так-то уж было просто. Хотя охотники-алтайцы были простыми и доверчивыми к нему, но он к ним почему-то относился настороженно и все ждал с их стороны каких-то подвохов. Теперь Николай Павлович сам вспоминает и смеется, как однажды опозорился перед новыми

знакомыми. Встав утром, после общего завтрака, перед тем, как идти снова в горы, он начал тщательно собирать свои вещи и, добытые на вчерашней охоте шкурки белок. Заметив это, алтайцы удивились:

— Ты что, не хочешь больше охотиться?

— Нет, почему же, буду охотиться,— ответил им Николай.

— А почему тогда собираешь свои пожитки и добычу..?

— Может быть, без нас придут посторонние и могут взять шкурки...

Посмеялись тогда над ним охотники. Аж неловко стало ему.

— Однако, друг,— сказали Смирнову,— ты плохой таежник и плохой человек.

— Почему? — в свою очередь удивился новичок.

— А потому,— сказали они дружно,— если в наш привал даже придут посторонние, они не будут трогать чужое добро. Да и посторонних-то тут не найдется. Горы свои, звери свои и люди свои, все знакомые. Коль кто придет, то самое большое, на что он может решиться, так это сварить еду, покушать и отдохнуть. Огонь и пищу мы таковым сами оставляем. У нас такой обычай, брат...

Смирнов постепенно понял и полюбил их доброе отношение ко всему окружающему.

На следующее лето он женился на дочери Захара Жаркова. С тех далеких пор они живут тут. За это время у Доры Захаровны и Николая Павловича родилось всего семнадцать детей. Двенадцать из них живы и здоровы. Все они — в разных городах и селах нашей необъятной страны.

Сейчас они проводили, быть может, последних гостей нынешнего лета. Их старшая дочь Любовь Николаевна — работница новосибирского аэропорта, закончившая Иркутский университет, сегодня, после месячного отдыха на берегу Телецкого озера, уезжает домой. Торопится на работу. А с нею вместе дочь ее — Юля со своей сестренкой Жанной, родители которой живут и работают в городе Барнауле.

Год медленно чертит свои круги. Настанет весна. Опять оживут прителецкие горы и краса озера. Горы и небо будут звенеть от гортанных песен алтайских кукушек. Прибудут туристы — веселые и непоседливые гости здешних гор. По озеру опять поплывут белые теплоходы. Они после долгой и глубокой зимы привезут

Смирновым первых гостей и радостные вести со всех городов и сел.

Нет, наверное, труднее искусства в мире, чем воспитать детей и сделать их настоящими людьми. Ведь всегда с большим волнением и трепетом ожидают родители, когда их младенец сделает первые шаги, скажет первое слово. Глядишь, пройдут как-то быстро годы. Покинет их дитя родной очаг. Хорошо, если не забудет те дорогие для сердца и души слова: отец и мать. Чего греха таить, бывает и так, дети сердятся, дети забывают своих родителей, свой дом и пламя теплого очага.

Николай Павлович и Дора Захаровна не только отец и мать десятерых дочерей и двух сыновей. Они так же вырастили на этом диком и не вполне обжитом берегу суровой сибирской тайги замечательный сад, плоды которого не уступят знаменитым южным сортам. Имена и добрые дела этих испытателей, садоводов-мичуринцев алтайской глухомани ныне широко известны за пределами нашего края. Их вечная любовь—дети и деревья, праздник души и сердца. Но только деревья никуда не убегут, пока ты их не тронешь с места и сам их не посадишь где-нибудь на другом участке, у другого дома. А дети—улетают, убегают... Жалко отпускать их от себя. Где бы они ни находились, в душе остаются живою болью и светлой печалью. Да, дети и деревья—между ними для Смирновых есть какая-то нерасторжимая связь, любовь и постоянно утихающая тоска.

Год 1929. Дора подарила Николаю сына-первенца—маленького Пашку. В то время Смирнов страдал головной болью. Рождение первого сына для него было не только большой радостью, но и почти заново открытым миром, светлым, доселе невиданным. Ему так хотелось тогда жить, дышать хрустальным воздухом гор, слушать тишину, творить доброе и удивительное для людей. Сын!.. Ему тогда показалось, что это — дар природы и исцеление душевных недугов.

Первенца приняла мать Доры, удивительно добрая и ласковая старушка Надежда Егоровна. А всех остальных детей, после смерти тещи, принимал он сам, живя и работая метеорологом. Ведь он до сих пор, в течение десятилетий записывает в своем дневнике погоду, температуру воды и озера, направление и силу ветра.

Через два года, в 1931 году, в их семье появился второй сын—Владимир, который сейчас работает капитаном турбазовского теплохода «Бриз». А первенцу—Паше не суждено было долго жить...

Память, как и сам человек, устает с годами и стареет. Но Николай Павлович все, что касается его детей, помнит отлично, каким был и как рос каждый из них. Он так же с мельчайшей подробностью расскажет вам судьбу каждого деревца, растущего в своем уникальнейшем саду.

Люба родилась в 1933 году. Время было суровое, и голод узнали, и нужду. Трудиться приходилось день и ночь.

Когда родилась первая дочь, Смирнов сел на деревянную лодочку и пустился вниз по Телецкому озеру. После долгого и изнурительного пути, кажется, из села Кебезень привез маленькой дочери и жене подарки — по две пары чулок и гребенки. И их в то время достать было трудно. За них он отдал беличьи шкурки...

Плоды многолетнего опыта и труда — саженцы из его сада сегодня шагают, распространяются буквально по всему Алтаю и за его пределами. Например, сад, что на прителецком плато Беле, берет свое начало от смирновских саженцев. Посмотрите на сад пенсионера Сугунушева — алтайца, который живет у истоков Телецкого озера, в селе Балыкча. А как можно пройти мимо сада, в местечке Кайру, который носит имя первых в Горном Алтае Чолушманских коммунаров. И его судьба связана с трудом и думой того же Смирнова.

Интересно, кто привил любовь к саду и деревьям самому Смирнову? При этом вопросе Николай Павлович не может забыть, пожалуй, первого садовода-мичуринца по всей Прителецкой тайге, незабвенное имя которого Дмитрий Степанович Рачкин. Опять же он дал Николаю первый черенок и первое деревце. С них началось будущее замечательного смирновского сада.

Для того, чтобы расцвели плодоносящие деревья на полуострове Чири, требовалась не только любовь и нежность к своему детищу, но поистине титанический труд. Он день и ночь корчевал кусты и деревья. Там и тут на камнях-валунах разжигал костры, раскалял их огнем, пока не остынут, поливал холодной водой, чтобы расколоть их на небольшие куски. Потом таскал их на берег озера. Причем не просто таскал и бросал эти камни, а крепкой стеной складывал, чтобы шальные волны не выбегали на полуостров и не смывали, не уносили тонюсенькие саженцы и скудный чернозем, питающий эти поистине священные деревца. А сколько тонн перевозил он земли на лодке через речку Кыгу?.. Спросите у Чолушман-реки, как Николай Павлович ездил на своей

самоделной лодке за удобрением-навозом в Балыкчу, где в то время был колхоз?.. Одним словом, труд и терпение, терпение и труд человеческих рук преобразили эту дикую землю в цветущий и прекрасный сад.

О Смирнове не скажешь, что у него мягкий и слишком податливый характер. Человек он сурового нрава. Любит труд. Воспитан трудом. И поэтому, иногда кажется, что у него единственное желание, чтоб люди, окружающие его — начиная от собственных детей и кончая всеми — понимали природу и труд так, как он их понимает, как он к ним относится. А сам он любое дело делает предельно точно, неторопливо и толково.

Смирновы и сегодня встают очень рано. Время шесть утра, а он уже на ногах. Коль глава семьи поднялся, то уж и остальные без слов должны. Хотя дети его давно уж стали взрослыми, но по давнишней привычке, кто бы из них сегодня ни ночевал в отцовском доме, все равно встает рано и начинает что-то делать по хозяйству. Говорят и вспоминают, что раньше было так: по утрам смирновская большая лодка, нагруженная черноземом или перегноем, всегда стояла на причале. Каждый из детей, встав с постели, должен принести на террасу, расположенную на солнечном склоне горы, не менее трех ведер земли и навоза, только потом может садиться за завтрак. А теперь, вот уж более трех десятков лет, на тех террасах растут и зреют не только огромные помидоры и огурцы, но и гроздья сладкого винограда, не говоря уж об арбузах. И все это в условиях суровой сибирской природы.

Дора Захаровна любит рассказывать о том, какими были и как росли ее дочери и сыновья. Павел, поскольку был старше всех, много трудился. Дрова колол, воду носил и поливал каждый куст в весеннем саду. Как бы ему не хотелось, но приходилось постоянно нянчиться с младшими братьями и сестренками, глядеть за ними. А Владимир немножко не такой был. Не очень-то любил домашнюю работу. Став чуть постарше, сразу же отличился в делах промысловых.

В трудные годы каждый ребенок желал что-то добыть сам. Володя с детства научился хорошо стрелять. Давно это было — первого курана-самца горной косули он свалил. Ой, как он гордился этой своей первой добычей для семьи. Однажды был такой потешный случай. Дети удили на берегу. Вдруг с криком домой прибежал Владимир. Оказывается, на его крючок попалась большая

рыба и он ее не смог вытащить. К тому же уронил удилице, а рыба, разумеется, ушла. Дора Захаровна, оставив дома грудного ребенка, тут же села на лодку и решила догнать уходящую рыбу. Куда там, раза два над волнами показался кончик белого удилица и ушел на дно за рыбой. Ай, как жаль удочки! Тогда ведь трудно было купить и простой крючок.

В смирновском саду под осенним солнцем всегда висят и зреют около сорока сортов выведенных им самим яблок. Вон красуется с богатой кроной и с большими плодами самая большая и старая яблоня — бельфлер-китайка. Одно это дерево дает не менее трех пудов яблок. Мичуринский сорт... А рядом — канадская мельба. Это будущее всей Чолушманской долины. Очень урожайное дерево. Кстати, а что такое Чолушманская долина?.. Тут придется сделать небольшое отступление. Ведь у Смирнова живой, пылкий ум и потому, говоря о Чолушманской долине, старожил тутошних мест, Николай Павлович, может быть, нечаянно роняет, как мне кажется, тщательно хранимую им мысль:

— Жаль, что козы съедают эту плодородную долину.

— Как? Вы хотите сказать, что козы съедают Алтай? — удивился я.

— Нет, я не обо всем Алтае и не обо всех горах и долинах говорю. Лишь имею в виду Чолушманскую долину...

— А в чем дело?

— Дело в том, — задумчиво продолжает Николай Павлович, — что козий пух, конечно, дорогое, доходное для совхоза дело. Но тем не менее, думается, что пух все же не дороже самой долины и прекрасной природы...

Дальше он поведал такую мысль, что с годами количество скота «Чолушманского» совхоза увеличивается. А сама долина узкая, как рукава алтайской шубы. Кругом скалистые горы. И так мало в долине деревьев и кустарников, а скоту надо кошары, людям новые дома и другие постройки. Ведь деревья и различные кустарники вырастают не за один год. Их рубят люди, а прибрежные кустарники съедают козы. А Чолушман, большая река, впадающая в Телецкое озеро, ежегодно обмывает и разрушает берега.

— При моих глазах в долине исчезли несколько островков, — говорит Смирнов и со вздохом продолжает: — Эх, как бы было хорошо, если бы в Чолушманской долине вместо козоводческого совхоза, сделать овоще-

садоводческое хозяйство. Оно бы обеспечило всю область дешевыми фруктами и овощами.

Это его собственные мысли и мечты. Возможно, он и прав. И на самом деле, ведь скоту и скотоводам нужны простор и много земли. А садоводы и овощеводы могут кружиться на небольших участках. К тому же всем ведь известно, что различные кустарники и деревья укрепляют берега рек, сохраняя всю красоту и мощь природы. Тем более, если к этому добавить, что совхоз «Чолушманский» не рентабельный. Например, в 1977 году убыток этого хозяйства составил 167 тыс. рублей. Для того, чтобы выработать 26 ц козьего пуха, совхозом затрачено 173 тысячи рублей, а продав этот пух, выручили всего лишь 160 тысяч рублей. Конечно, так-то оно так. Но тут свои трудности. Ведь все это связано с людскими судьбами и жизнью. А люди — не железо. Да и пастухов так быстро не перекуешь в садоводов и овощеводов.

— Можно, — не сдается Смирнов, — вы видели в той же Чолушманской долине сады коренного алтайца Сугунушева? О чем это говорит и доказывает?..

Возможно, повторяю, он прав. Но пусть эта весьма интересная мысль остается предметом размышления руководителей нашей Горно-Алтайской области. А я об этом говорю и пишу для того, чтобы люди — читатели мои ощутили, что герой моего очерка и в старости живет полнокровной жизнью, не удовлетворен ни собой, ни достигнутым; думает не только о себе.

Большая семья Николая Павловича Смирнова — действительно интернациональная. Жена его, Дора Захаровна, — алтайка. Зятя его — люди различных национальностей. Среди них есть и русские, и алтайцы, и украинцы. Дети его владеют алтайским и русским языками.

Вот Наталья. Она со своим мужем-алтайцем живет в Артыбаше, поселке, где расположена туристическая база, в устье того же Телецкого озера. Анатолий Пыжанкин — муж ее — работает на теплоходе «Яков Баляев». У них четверо детей. Старший сын, Петр, уже отслужил в рядах Советской Армии. Теперь работает. Очень хороший, как говорит дед, смиренный парень. Все умеет делать сам. Даже корову умеет доить, что редко встречается среди нынешних юношей. А вот Надежда закончила зооветтехникум, ныне работает в Чергинском совхозе по своей специальности. Ее муж Вилисов Семен — шоферит. Давно за рулем и неплохо трудится.

Правда, только редко они навещают родителей. Наверное, некогда. Нельзя на них сердиться. Ведь у них свои дети, своя забота. Как говорится, «маленькая, но семья».

Вчера, кажется, Наталья прислала с братом Владимиром матери подарок. Какую-то красивую посуду. «Зачем она нам, старым-то людям», — говорит Дора Захаровна. Но все-таки любо смотреть на подарок родной дочери.

В детстве очень любила трудиться Ирина. Камни таскала, кайлила и косила. После окончания Горно-Алтайского педучилища не вернулась домой. Осталась в областном центре. Теперь работает воспитательницей в детском саду. Она очень общительна. Любит ребятишек. Должно быть, неплохая наставница детей. Ведь сама выросла в большой семье. А муж ее, Павел Григорьевич Суханов, почтовый работник. Душевный человек. Стариков не забывает, приезжает на Чири. А вот Вера со своим мужем уехала аж в Саратовскую область. Как-то они там живут?.. Давно нет вестей.

Надо обо всех думать и помнить, хотя они взрослые и самостоятельные люди.

А возле стариков остался самый младший сын — Николай со своей женой Светланой Ивановной. Только жаль, что они детей своих отправили на Украину, к родителям Светланы. Могли бы в Артыбаше или в Иогаче учиться.

Вот так живут, трудятся и учатся дети Николая Павловича и Доры Захаровны Смирновых. Как в народе говорят, все они вышли в люди.

Сам Смирнов, семидесятишестилетний ветеран метеорологической службы и садовод-селекционер, по-прежнему встает рано. Каждое утро проверяет пост — меряет температуру воздуха Прителецкой тайги и уровень воды. Ухаживает за своим садом. Косит сено, ставит красивые островерхние стога. Он нежно любит Майку — белую, как снег на вершинах, лошадь. Вот жалко — Дик заболел и постарел, хороший и верный пес. Под старость лет человек ко всему относится с душевной жалостью и болью: и к озеру Золотому, и к деревьям прибрежным, и к травам и цветам. Мир природы, все окружающее, кажется иногда, держится за его большое и чуткое сердце. И потому, надо сказать честно, Николай Павлович и Дора Захаровна не любят тех, кто по-варварски относится к природе и ее богатствам. Не надо принуждать природу, вымогать у нее все, чего тебе хочется. Надо относиться бережливо, чтобы она цвела и красовалась,

радуя человека... И не случайно, когда в середине шестидесятых годов решили закрыть Алтайский государственный заповедник, а вместо него открыть на правом берегу Телецкого озера леспромхоз, против всесильного топора, электропил и различных машин одним из первых восстал Николай Павлович Смирнов. И слава Богу, что благодаря упорным и многочисленным усилиям многих не равнодушных людей, в том числе и специалистов лесного хозяйства, новым решением Совета Министров РСФСР до сих пор сохранился этот уникальнейший в Горном Алтае заповедник.

Те, кто на тайгу и природу привыкли смотреть как на место наживы и добычи для своего удовольствия, скажем опять же прямо, не любят стариков Смирновых. Правда, их, враждебно настроенных, в Прителецкой тайге мало, но все же есть, находятся. Смирновы таким уступки не делают. И в этом суть их многолетней жизни на берегу зеркального озера и на территории государственного заповедника. В этом их любовь и верность священным основам природы...

Осень — очаровательная пора в горах Алтая. На берегу голубого и тихого залива стоят четверо: старые люди, старый кедр и старый пес. Они прислушиваются. Тихо плещутся и барахтаются волны. И вдруг протяжный и долгий зов осеннего марала. Он трубит, зовет свою подругу, а горы таким же долгим и пронзительным эхом отвечают этой вечной музыке осени...

Николай Павлович и Дора Захаровна — долгожители моего любимого края, машут руками во след уходящему все дальше белому теплоходу. Тут, на теплоходе, их старшая дочь Любовь и милые сердцу внучки, Юля и Жанна. Они сегодня, как и другие их дети и внуки, уж который раз вышли навстречу доброму, многолюдному и бесконечно широкому миру...

Далеко голубеет и машет темными ветками вечный кедр родной алтайской тайги. И я, оглядываясь назад, вместе с их потомками машу рукой и, прощаясь, тихо шепчу все те же строчки любимого поэта, ставшими на какое-то время музыкой этой природы и единственной правдой этой долгой и прекрасной жизни: «Стоим над водой — солнце, кошка, чинара, я и наша судьба...»

Да, слава Богу, так живем и так понимаем друг друга!